

Munich Personal RePEc Archive

Pension reform and intergenerational altruism in economic dynamics models

Surkov, Alexander

European University at St. Petersburg, St. Petersburg Institute for
Economics and Mathematics of the RAS

2009

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/27632/>
MPRA Paper No. 27632, posted 21 Dec 2010 14:55 UTC

А. В. Сурков

к. ф.-м. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского экономико-математического института РАН, доцент факультета экономики Европейского университета в Санкт-Петербурге

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АЛЬТРУИЗМ В МОДЕЛЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

1. Введение

В результате пенсионной реформы 2002 г. в России была создана трехуровневая пенсионная система «западного» типа, включающая в себя обязательную распределительную, обязательную накопительную и добровольную накопительную части. Каких-либо, пусть даже ничтожных, результатов пенсионной реформы можно ожидать не ранее 2013 года, когда на пенсию начнет выходить первая когорта лиц, для которых формировалась накопительная часть пенсии. Заметными эти результаты могли бы стать значительно позже, когда на пенсию выйдут лица, осуществлявшие обязательные взносы в накопительную часть пенсии в течение длительного времени.

Однако, уже сейчас, как в обществе, так и среди специалистов, получает все большее распространение мнение о том, что пенсионная реформа оказалась неудачной. Отчасти это обусловлено не вполне оправданным переносом на пенсионную реформу представлений о неблагоприятном положении сегодняшних пенсионеров, которых, в действительности, реформа 2002 г. не затронула. Но, как нам кажется, можно привести и более веские аргументы в поддержку упомянутой точки зрения.

Первостепенной целью пенсионной системы, созданной в результате реформы, является обеспечение участников этой системы средствами к существованию по достижении ими пенсионного возраста. Однако, ни в 2007 г., ни, тем более в 2008 г. по данным Investfunds.ru ни одна управляющая компания (УК), распоряжающаяся средствами пенсионных фондов (ПФ), действующих в рамках обязательной накопительной пенсионной системы, не показала положительную реальную доходность. Это означает, что накопительная пенсионная система в настоящее время плохо справляется со сбережением пенсионных накоплений граждан. Это обстоятельство, вероятно, не позволяет сделать окончательного заключения о провале данной пенсионной схемы, но вызывает сомнения о применимости выбранного в ходе реформы подхода в период отсутствия финансовой стабильности.

Другим важным обстоятельством является тот факт, что одной из целей пенсионной реформы (Пенсионная реформа, 1998) было привнесение рыночных механизмов в систему пенсионного обеспечения. Предполагалось, что возникновение значительного числа конкурирующих негосударственных пенсионных фондов (НПФ) позволит участникам пенсионной системы выбирать НПФ, наиболее подходящий им по доходности и уровню риска. Однако, по состоянию на 31 декабря 2008 г. (Investfunds.ru) 86% пенсионных накоплений сосредоточено во Внешэкономбанке (ВЭБ), являющемся УК Пенсионного фонда России. При этом, например, в 2006 году, все (!) портфели частных управляющих компаний показали доходность выше доходности ВЭБ. (Investfunds.ru), что вряд ли компенсируется чуть более низким уровнем риска, обеспечиваемым большей по сравнению с управляющими компаниями НПФ ограниченностью финансовых инструментов, в которые ВЭБ имеет право инвестировать пенсионные накопления. В 2004 г. по итогам управления пенсионными накоплениями граждан ВЭБ оказался на 14-м месте по доходности среди частных управляющих компаний, в 2005– на 56-м, в 2006 – на 63-м, в 2007 – на 11-м, и лишь в 2008 г. – на третьем. Начиная с 2006 г. годовая доходность портфеля ВЭБ, в который инвестированы пенсионные накопления граждан, не превышала темп инфляции.

Учитывая легкость процесса перевода пенсионных накоплений из одного ПФ в другой, можно заключить, что рыночные механизмы, которые должны были бы привести к перетоку значительной части пенсионных накоплений в более доходные НПФ, фактически, не работают.

В качестве основных факторов, приводящих к неработоспособности новой пенсионной системы, часто называют экономическую неграмотность населения, нежелание или неспособность самостоятельно позаботиться о своем благополучии в будущем, недалекий горизонт планирования или значительный коэффициент дисконтирования будущего потребления. Вероятно, все эти обстоятельства имеют место. Действительно, например, опрос ВЦИОМ (Россияне о пенсионных накоплениях, 2008) показывает, что 73% респондентов считают, что забота об их благополучии в старости является задачей государства. Представляется, что все вышеперечисленные, а также многие другие факторы, называемые в качестве причины провала пенсионной реформы, отражают состояние институтов в российском обществе.

Можно предположить, что необходимым условием успеха пенсионной реформы должно было бы быть соответствие содержания реформы состоянию институтов (подробнее об этом см. (Полтерович, 2007)). В настоящей работе мы рассмотрим институт межпоколенческих трансфертов, определяющихся

существующим в обществе межпоколенческим альтруизмом, и попытаемся проанализировать, как наличие межпоколенческого альтруизма может повлиять на макроэкономические последствия пенсионной реформы.

При этом мы попытаемся обосновать тезисы, которые в самом общем виде можно было бы сформулировать так:

- На текущей стадии развития экономики и общества пенсионная реформа в России в той форме, в которой она была проведена в 2002 г., вряд ли могла бы быть успешной.
- Подобная пенсионная реформа могла бы быть более эффективной в более модернизированных западных странах.
- Однако и для западных стран чрезвычайно существенным остается вопрос об издержках перехода, их величине, определяющей целесообразность реформы, и распределении.

Работа организована следующим образом. В разделе 2 обсуждается взаимосвязь межпоколенческого альтруизма и межпоколенческих трансфертов. В нем дается обзор результатов исследований межпоколенческих трансфертов в России (раздел 2.1) и в западных странах (раздел 2.2). В разделе 2.3 предлагаются возможные причины различия интенсивности межпоколенческих трансфертов в России и на Западе, и делается вывод о важности учета межпоколенческого альтруизма при применении макроэкономических моделей к России. Далее описываются результаты введения разных форм межпоколенческого альтруизма в модель перекрывающихся поколений (раздел 3), а затем эти модели применяются к анализу макроэкономических последствий пенсионной реформы (раздел 4). В разделе 5 обсуждаются издержки пенсионной реформы.

2. Межпоколенческие трансферты и межпоколенческий альтруизм

В данном разделе мы попытаемся обсудить взаимосвязь между добровольными межпоколенческими трансфертами и межпоколенческим альтруизмом. Под добровольными межпоколенческими трансфертами мы будем понимать добровольную передачу материальных благ от индивидов к их совершеннолетним родственникам, принадлежащим к другому поколению. В качестве примеров добровольных межпоколенческих трансфертов можно назвать такие широко распространенные явления, как материальная помощь родителей совершеннолетним и работающим детям, намеренно оставляемое детям наследство (трансферты от родителей к детям) или помощь престарелым родителям (трансферт от детей к родителям).

Одной из причин добровольных межпоколенческих трансфертов является межпоколенческий альтруизм (Becker, 1974), который известный американский экономист Л. Котликофф определяет (Котликофф, Бернс, 2005, с. 153) как гипотезу, состоящую в том, что «родители (дети) заботятся не только о своем благополучии, но и благополучии своих детей (родителей)». Мы будем отдельно выделять абсолютный межпоколенческий альтруизм – ситуацию, в которой индивиды ценят благополучие своих родителей или детей в той же мере, что и свое. В этом случае (Kotlikoff, 1988), уровень потребления индивидов в рамках семьи не должен зависеть от различий в их доходах, так как доход перераспределяется от членов семьи с более высоким доходом к членам семьи с меньшим доходом. В случае неабсолютного межпоколенческого альтруизма полного выравнивания потребления, конечно, может и не происходить.

Естественно, существуют и другие мотивы для межпоколенческих трансфертов (Arrondel, Masson, 2006). Среди них выделяют, например, вынужденное наследство, возникающее вследствие неопределенности продолжительности жизни индивида. Индивид делает сбережения (возможно, в форме неликвидных активов) из предосторожности, вследствие наличия риска дожития, который он не может застраховать из-за изъянов рынка аннуитетов. После смерти индивида указанные сбережения остаются его наследникам.

Мы будем предполагать, что межпоколенческие трансферты данного типа не являются полностью добровольными, а добровольные межпоколенческие трансферты определяются межпоколенческим альтруизмом. В эту схему, как нам кажется, укладывается и эгоистический мотив обмена, под действием которого родители помогают детям с тем расчетом, что дети позднее будут помогать им (Laferrère, 2006). Наличие этого мотива означает, что родители ценят благополучие детей, и таким образом проявляют межпоколенческий альтруизм, пусть даже этот альтруизм вызван тем, что родители ценят, прежде всего, свое будущее потребление. Не противоречат этому представлению и трансферты, осуществляемые под действием чувства долга или под давлением общества (Shokkaert, 2006). Мы, таким образом, будем оставаться в рамках «стандартных» моделей межпоколенческих трансфертов, которые, как утверждают Аррондель и Массон (Arrondel, Masson, 2006), вполне применимы для «менее развитых стран».

Представление о наличии взаимосвязи между межпоколенческим альтруизмом и добровольными межпоколенческими трансфертами важно для нас в связи со следующим обстоятельством. Для макроэкономических моделей важно правильно описывать мотивы поведения репрезентативного потребителя – у нас в качестве такого мотива будет выступать межпоколенческий альтруизм.

Между тем, основная масса российских социологических исследований по этой проблематике, в основном, касается межпоколенческих трансфертов, что, видимо, можно объяснить тесной связью этих вопросов с широко обсуждаемыми проблемами бедности, неравенства и распределения национального дохода. В западной литературе исследования, непосредственно направленные на изучение межпоколенческого альтруизма, более широко распространены, чем в России. Из-за отсутствия соответствующих российских исследований, полученные в этих работах результаты, трудно использовать для сопоставления.

В связи с этим, мы упомянем лишь два подхода к изучению межпоколенческого альтруизма, не использующих результаты измерения межпоколенческих трансфертов. Примером первого из них может служить работа (Kohli, Künemund, 2003), в которой эмпирическое исследование структуры мотивов, обуславливающих трансферты, было основано на результатах анкетного опроса, в ходе которого выяснялось, насколько респонденты согласны с тем или иным утверждением, описывающим возможный мотив помощи. Исследователи обнаружили, что доминирующего мотива помощи выявить не удастся, а спектр мотивов не описывается альтруизмом, обменом или соображениями взаимности. Классифицируя мотивы оказания помощи, Коли и Кюнемунд (Kohli, Künemund, 2003) выделяют чистый альтруизм, приводящий к безусловным трансфертам, когда «дающий» не подразумевает обмена, не требует взаимности, подчинения или признания собственного статуса, в противоположность мотивам, обуславливающим условные трансферты. Отдельно, в качестве мотивов *неоказания* помощи эти авторы предлагают учитывать конфликты или мотивы, связанные с независимостью или автономией поколений.

В качестве примера иного подхода здесь стоит упомянуть исследование Л. Котликоффа (Altonji et al., 1989), в ходе которого была выявлена значимая корреляция между доходами членов расширенных семей и их потреблением, что позволило отвергнуть гипотезу об абсолютном альтруизме в расширенных семьях США. Исследование позволило сделать вывод об отсутствии абсолютного альтруизма, не прибегая к информации об интенсивности межпоколенческих трансфертов. Подобный подход, к сожалению, применим лишь для проверки гипотезы о наличии этой крайней формы межпоколенческого альтруизма.

Нашей дальнейшей целью будет сопоставление данных о межпоколенческих трансфертах в России и в западных странах. На основе этого сопоставления мы попытаемся подтвердить тезис об относительно высоком уровне межпоколенческого альтруизма в России по сравнению с Западом.

2.1. Исследования межпоколенческих трансфертов в России

В данном разделе мы предлагаем краткий обзор социологических исследований, проводившихся в России в разные периоды времени, результаты которых содержат информацию об интенсивности внутрисемейных межпоколенческих трансфертов. Цель данного обзора, прежде всего, состоит в том, чтобы подтвердить гипотезу о том, что добровольные межпоколенческие трансферты охватывают значительную часть российских семей. Кроме того, этим обзором мы бы хотели продемонстрировать имеющийся разброс в результатах исследований, который сигнализирует о необходимости проявлять осторожность при интерпретации полученных данных.

- В 1992-1993 годах было проведено исследование в четырех городах России – Санкт-Петербурге, Петрозаводске, Астрахани и Вязниках (Владимирская обл.) (Овчарова, Прокофьева, 2000). Объем выборки составил 2500 домохозяйств. В ходе исследования выяснилось, что для жителей российских городов большое значение имеет помощь со стороны родственников и друзей. Исследование не касалось конкретно межпоколенческих трансфертов, однако авторы работы отмечают, что такие традиционно сложившиеся стереотипы поведения, как обязательная помощь молодым семьям со стороны родителей не изменились на момент исследования, несмотря на большую экономическую активность молодежи по сравнению со старшим поколением. Исследователи обнаружили, что лишь 41-44% домохозяйств не участвуют в материальных отношениях с родственниками или друзьями, то есть значительная часть семей осуществляет материальные трансферты.
- Исследование, проведенное в 1998 году в трех российских городах – Нижнем Новгороде, Орле, Твери (Денисенко, 1999) выявило наличие финансовых и материальных трансфертов в 26,5% семей респондентов (мужчины 55 лет и старше и женщины 50 лет и старше, объем выборки – 1027 человек).
- Исследования, проведенные в городах западной части России (Елисеева и др., 1999) в 1993 и 1998 годах выявили, что 83% женщин и 66% мужчин из числа респондентов (разведенные мужчины и женщины, объем выборки – 1214 женщин и 1249 мужчин) до развода получали финансовую помощь от родителей. После развода частота обращений за помощью снижается до 79% у женщин и 57% у мужчин, но все равно остается высокой. Авторы отмечают интересное обстоятельство: в Санкт-Петербурге зависимость молодых мужчин от поддержки родителей выражена более заметно, чем в Москве и других городах: в период супружеской жизни обращались за помощью к

родственникам 78,8% мужчин в Санкт-Петербурге, 68,6% – в Москве, и 61,7% – в других городах. После развода за помощью к родственникам обращались 64,4% мужчин в Санкт-Петербурге, 57,3% – в Москве, 58,2% – в других городах.

- О наличии межпоколенческих трансфертов в российских семьях пишет известный исследователь семьи С.И. Голод (Голод, 1998). Он указывает на существование родственной, межпоколенческой солидарности в российских семьях. Свидетельством этого выступает то, что отделение взрослых детей от родителей не приводит к изоляции молодой семьи от родительской, что проявляется, в частности, в наличии материальных межсемейных (межпоколенческих) трансфертов. Автор ссылается на исследования демографа А.Г. Волкова (Волков, 1986), который опросил молодые супружеские пары. Из 27,6 тыс. семей, у которых на момент обследования были живы один или оба родителя кого-то из супругов, 60% получали помощь родителей, 50% сами оказывали помощь (Голод, 1998, с. 134-135).
- В сельской местности Новосибирской области в ходе исследований 1975-1976, 1986-1987, 1993-1994, 1997 гг. межпоколенческие трансферты были обнаружены в значительной части семей, имеющих в своем составе пенсионеров (Гвоздева, 1999). Материальную (продуктами или деньгами) помощь родственникам оказывали больше половины респондентов (пенсионеров и инвалидов, объем выборки – 488 человек). 38% респондентов сами получали материальную помощь от родственников.
- Исследование, проведенное в трех российских деревнях Ростовской, Белгородской и Тверской областей в 1999 году (Лылова, 2002) подтверждает наличие межпоколенческих трансфертов в сельских семьях. В ходе исследования были опрошены представители 500 домохозяйств. Автор указывает, что традиционно в российских семьях, особенно на селе, считалось общепринятой практикой помощь родителей взрослым детям, даже если они уже имеют собственную семью. Безвозмездная материальная помощь предоставляется в виде денег, продуктов, услуг (помощь по хозяйству, уход за малолетними детьми). В конце 1990-х годов денежная помощь стала основным видом материальной помощи, которую родители-пенсионеры оказывают своим взрослым детям.

В ходе исследования выяснилось, что внутрисемейные межпоколенческие трансферты являются двусторонними: финансовую поддержку детям оказывают родители-пенсионеры, так как выплата пенсий более регулярна, чем выплата зарплат, дети же оказывают родителям услуги в виде помощи по хозяйству. «Таким образом, работают межпоколенческие

взаимопересекающиеся потоки перемещения материальных и денежных ресурсов, услуг» (Лылова, 2002).

О.В. Лылова (Лылова, 2002) замечает, что для сельского сообщества всегда была характерна разветвленная сеть родственной и соседской взаимопомощи, дружеской поддержки. На селе было выявлено наличие неформальной сети взаимопомощи, в которую оказались включенными более 80% семей респондентов. В рамках этой сети осуществляются трансферты, причем не только внутрисемейные (между родственниками), но и межсемейные (между соседями). Трансферты осуществляются также между городскими и сельскими родственными семьями: к каждой пятой сельской семье приезжают родственники из города для помощи в сельскохозяйственных работах.

- Межпоколенческие трансферты в сельских семьях обнаружены в ходе исследования, проведенного в 2001 году в Воронежской и Тверской областях (Иванова, 2002, 2003). Исследование выявило, что треть респондентов (пожилых людей, объем выборки – 840 человек) получают финансовую помощь от своих близких. Материальную помощь от родственников получает половина респондентов, более половины респондентов сами помогают деньгами свои родственникам, в основном, детям и внукам. Автор приходит к выводу, что половина респондентов имеет альтруистические установки на помощь детям и внукам, либо поддерживают с ними отношения на основе специфических, индивидуальных для каждого респондента мотивов. Результаты исследования позволяют автору заключить, что межпоколенная поддержка играет ключевую роль в перераспределении финансовых и материальных ресурсов в современной сельской семье и жизнедеятельности пожилых людей.
- Сведения о наличии межпоколенческих трансфертов на селе получены в ходе исследования, проведенного в 2002-2004 годах в Пермской области (Серова, 2006). В работе указывается, что у 4% респондентов (объем выборки – 792 респондента) имеются по 2-3 иждивенца в семье, из которых только 1,8 – несовершеннолетние дети. Наличие иждивенцев совершеннолетнего возраста (старики-родители или взрослые дети) дает основание предполагать наличие межпоколенческих трансфертов в данных семьях.
- Межпоколенческие трансферты являлись одним из предметов исследования, проведенного в Москве и в Великом Новгороде, Валдайском и Старорусском районах Новгородской области (Кучмаев, 1999). Выборка исследования составила 978 человек, проживающих в 390 домохозяйствах. Полученные результаты свидетельствуют о наличии достаточно интенсивных

межпоколенческих трансфертов в семьях респондентов. Авторы исследования обнаружили, что в 46% случаев родители материально помогают своим взрослым детям. Автор утверждает, что размеры обратного потока помощи примерно такие же: дети помогают родительской семье материально в 46,8% случаев.

- Косвенную информацию о межпоколенческих трансфертах дает исследование, проведенное в Татарстане (Карцева, 2003). Объем выборки исследования составил 1968 чел. Исследование показало, что отсутствие реального заработка второго супруга в неполных семьях компенсируется не только государством через систему социальной защиты, но также старшими (или иными) родственниками одинокого родителя. Кроме того, четверть респондентов указали на то, что их семьи проживают с родителями одного из супругов. Этот факт позволяет предположить в данных семьях наличие межпоколенческих трансфертов.

Представление о широкой распространенности добровольных межпоколенческих трансфертов в России подтверждает и небольшое исследование, проведенное в конце 2008 г. в рамках проекта РГНФ, участником которого является автор. Объектом исследования были семьи студентов одного из ВУЗов Санкт-Петербурга (опрашивались студенты дневной, вечерней и заочной форм обучения). Выборка исследования не являлась случайной, так как опрашивались только те студенты, которые в момент опроса находились на занятиях. Выборка не являлась репрезентативной, однако вполне удовлетворяла целям опроса, которые состояли в отработке методов анкетного исследования внутрисемейных межпоколенческих трансфертов и предпочтений респондентов в сфере пенсионного обеспечения. Объем выборки составил 116 человек.

Результаты опроса показали, что 73% респондентов получают материальную помощь от своих родителей, 38% родителей респондентов получают материальную помощь от своих родителей, 68% ответивших респондентов утверждают, что их родители помогают материально своим родителям. Лишь 10% процентов респондентов (почти все они в возрасте 26-41 года, что позволяет предположить отсутствие в их семьях бабушек, дедушек) утверждали, что межпоколенческие трансферты, предусмотренные вопросами анкеты, в их семьях отсутствуют.

Часть анкетных вопросов была посвящена отношению респондентов к межпоколенческим трансфертам. Ответы на эти вопросы показали, что 35% респондентов предпочли бы, чтобы по достижении ими пенсионного возраста их дети или другие родственники оказывали бы им материальную помощь. 36%

опрошенных считают, что благосостояние нынешних пенсионеров должно обеспечиваться, в том числе, и за счет материальной помощи их родственников. Значительная часть респондентов считают для себя очень важным иметь возможность в будущем материально поддерживать своих родителей (33% опрошенных), или обеспечить материальное благополучие своим детям (70% респондентов).

Несмотря на большой разброс результатов российских исследований межпоколенческих трансфертов в городских и сельских семьях, можно заключить, что добровольные межпоколенческие трансферты широко распространены и представляются нормой в общественном сознании.

2.2. Межпоколенческие трансферты в западных странах

Исследованиям межпоколенческих трансфертов в западных странах посвящено значительное количество работ, хотя, как и в России, наблюдается недостаток репрезентативных исследований. В данном разделе мы попытаемся дать краткий и не претендующий на полноту обзор нескольких работ, который, как мы надеемся, позволит составить представление об интенсивности межпоколенческих трансфертов на Западе. Как и в случае с российскими работами, результаты зарубежных исследований сильно разнятся.

- Считается, что в американских семьях в отношениях между детьми и их родителями обычно отсутствует элемент жертвенности (Золотухина, 1999). По данным американских опросов, в конце 1980-х годов среди взрослых детей до 50 лет всего 20% оказывали финансовую помощь родителям в течение года, после 50-ти этот показатель возрастает до 36%. По другим данным, 11% родителей помогают взрослым детям в финансовом отношении, 7% – родителям, при этом 6% помогают другим родственникам (Золотухина, 1999, с. 247).
- В работе (McGarry, 1997) сообщается, что согласно исследованию Health and Retirement Survey, респондентами которого являлись люди 51-61-летнего возраста, 29% семей в США осуществляли денежные трансферты (500\$ и более) по крайней мере к одному взрослому потомку за предшествующие 12 месяцев. Согласно другому исследованию, Asset and Health Dynamic Survey, в котором респондентами были 70-летние и старше, 25% из них осуществляли трансферты. И в том, и в другом исследовании сообщается, что лишь 13% потомков в обследуемых домохозяйствах получали трансферты за предшествующие 12 месяцев.

- В работе (Hogan et al., 1993) анализируются результаты обследования National Survey of Families and Households, проведенного в США в 1988 г. и основанного на репрезентативной в масштабе страны выборке из 13017 респондентов. В работе выделяются четыре типа межпоколенческих трансфертов: материальные трансферты, уход за детьми, помощь по хозяйству и помощь советом и участием. Денис Хоган с соавторами (Hogan et al., 1993) показывают, что респонденты распадаются на четыре группы:
 - 53% респондентов принадлежат к группе с низкой вероятностью вовлечения в межпоколенческие трансферты любого типа (72% лиц, принадлежащих к этой группе, не участвовали в трансфертах),
 - 19% респондентов получает помощь от родителей,
 - 17% респондентов помогают своим родителям советами (и при этом практически не получают даже такой помощи от них),
 - 11% респондентов вовлечено в двусторонние трансферты, получая и осуществляя помощь разного типа.
- Л. Котликофф (Котликофф, 2005) утверждает, что добровольные межпоколенческие трансферты в США к концу XX века значительно уменьшились по сравнению с 1950-ми годами. В настоящее время пенсионерам США свойственно тратить больше, чем тратят их работающие дети. Обследование жизни 5000 стариков США (Kotlikoff, Morris, 1989) показало, что дети редко дают деньги родителям (и наоборот) независимо от дохода: только 3,3% родителей получало регулярную (ежемесячную) помощь от детей, и лишь 2,6% родителей регулярно помогало детям.
- Анализ результатов репрезентативного исследования 40-85-летних немцев (объем выборки 4838 чел.), проведенного в начале 1996 г. (Kohli, 1999) показал, что около 40% родителей совершали трансферты к своим взрослым детям. При этом отмечается, что в Восточной Германии интенсивность трансфертов выше, чем в Западной Германии. Кроме того, в работе (Kohli, 1999) приводятся результаты французского исследования, которое базировалось на репрезентативной в масштабах страны выборке (респонденты – 49-53-летние, имеющие хотя бы одного взрослого ребенка, живущего отдельно, и живых родителей). Это исследование показало, что 64% представителей «среднего поколения» осуществляли трансферты к своим взрослым детям в течение прошедших 5 лет.
- Совсем другие результаты сообщаются в работе (Paugam, Zoeyem, 1997), посвященной исследованию трансфертов во Франции, проведенному в 1994 году. Респондентами были люди в возрасте 18-64 лет, не являющиеся

студентами или пенсионерами. Из них 12,6% респондентов получали финансовую помощь от родственников, которые не входят в их домохозяйство. Овчарова и Прокофьева, (2000) сообщают, что для России эти показатели в три раза выше. Существенно, что речь здесь не идет именно о межпоколенческих трансфертах, так что можно предположить, что доля французских семей, в которых осуществляются межпоколенческие трансферты, еще меньше.

- Чисто альтруистический мотив намеренного оставления наследства является в современном западном обществе весьма слабым. Аррондель и Массон (Arrondel, Masson, 2006) отмечают, что по данным Longitudinal Retirement History Survey, можно сделать вывод, что большинство людей в старости тратят свои сбережения, оставляя лишь очень небольшие суммы в наследство. Причем пожилые пары с детьми расходуют сбережения в среднем в большей степени, чем бездетные пары. Следует заметить, что толкование этого обстоятельство неоднозначно, и может свидетельствовать как о низком уровне альтруизма родителей по отношению к детям, так и о высоком: пожилые пары с детьми могут предпочитать (в том числе, и с точки зрения налогов) прижизненную помощь детям, что может обуславливать высокий темп расходования их сбережений. Возможно, также, что пожилые пары с детьми рассматривают их помощь как подстраховку в случае, если их сбережений не хватит (Arrondel, Masson, 2006). Бездетные пары в этом случае должны из предосторожности оставлять некоторые сбережения.

Несмотря на значительный разброс в результатах исследований, можно заключить, что интенсивность межпоколенческих трансфертов в США и Европе значительно меньше, чем в России. В следующем разделе мы попытаемся обсудить возможные причины этого явления.

2.3. Межпоколенческий альтруизм и эволюция общественного устройства

В качестве основного тезиса данного раздела мы примем, что в более модернизированных западных странах уровень межпоколенческого альтруизма и интенсивность межпоколенческих трансфертов внутри семьи оказываются ниже, чем в менее модернизированных странах, например в России.

Весьма характерны в этом отношении данные работ (Котликофф, 2005) и (Kohli, 1999). В первой из них сообщается о значительном снижении интенсивности межпоколенческих трансфертов на протяжении второй половины XX века, что позволяет нам проследить динамику изменения межпоколенческих трансфертов в одном и том же обществе на разных стадиях развития.

Мартин Коли (Kohli, 1999) показывает, что интенсивность межпоколенческих трансфертов в Западной Германии оказывается значительно ниже, чем в Восточной Германии, что тоже дает интересную возможность сопоставления. Он объясняет это различие так: в более бедной Восточной Германии пенсионеры принадлежат к наиболее обеспеченным слоям населения, что позволяет им помогать детям.

Мы попытаемся выделить и другие причины возникновения различий в уровне межпоколенческого альтруизма и интенсивности внутрисемейных межпоколенческих трансфертов (см. также (Загребина, 2008), (Загребина, Сурков, 2008)):

1. При модернизации общества происходит распад первичных связей (таких как родственные, соседские) и вытеснение их вторичными связями (официальными, обезличенными). Индивиды все больше отдаляются от своих первичных групп, что приводит к снижению уровня межпоколенческого альтруизма, так как именно для первичных групп характерны отношения солидарности и альтруизма (Boudon, 1979).

Интенсивность добровольных внутрисемейных межпоколенческих трансфертов свидетельствует о развитости неформальных социальных отношений, которые могут быть определены как первичные отношения. Первичные (альтруистичные) отношения обусловлены первичными социальными связями – родственными, соседскими. Развитость таких связей подразумевает недостаточность вторичных связей. Подобная ситуация свойственна для традиционного, немодернизированного общества. Именно для традиционного общества характерна также практика поддержки «слабого звена» силами всей социальной сети (Барсукова, 2003).

2. Крайняя форма межпоколенческого альтруизма – уже упоминавшийся выше «абсолютный альтруизм» реализуется в расширенной семье, в которой два или более поколения взрослых членов семьи имеют общий бюджет. Расширенная семья характерна для традиционного общества, в то время как модернизированному обществу свойственны нуклеарные семьи.

Действительно, Котликофф, и Бернс (2005 с. 152-153) отмечают значительное снижение количества расширенных семей в США за последние 50 лет, сопровождающееся уменьшением межпоколенческих трансфертов в виде наследства и помощи родителям. Котликофф сообщает, что в 1950-е гг. по данным переписей населения почти все старики жили с детьми, в то время как сегодня таких менее 10%.

Большинство россиян также проживают в составе нуклеарных семей – 82% всех российских семей можно отнести к нуклеарному простому типу (Свадьбина, 2000). Однако, количество расширенных семей в России значительно выше, чем в США: по одним источникам (Елисеева, 2003), оно составляет 17% от всех семей, а согласно другим (Карцева, 2003) – около 25%. Сафарова и др. (2002) сообщает, что 22,1% домохозяйств в Санкт-Петербурге состоят из трех поколений.

В СССР в 1985 г. среди всех семей с брачными парами 22,8% проживали вместе с родителями или другими родственниками одного из супругов (Синельников, Децнер, 1995). Те же авторы сообщают, что в США в том же году 1,5% супружеских пар не имели собственного домохозяйства и проживали с другой семьей. В США практически все супружеские пары, в том числе молодые, проживают отдельно. В отличие от США, в СССР (и России) преобладание нуклеарных семей сложилось за счет пар с большим брачным стажем, которые прожили с родителями несколько лет и отделились, или у которых родителей нет в живых (Синельников, Децнер, 1995).

3. Модернизация общества сопровождается ростом социальной мобильности, как вертикальной, так и горизонтальной. Многие молодые трудоспособные люди уезжают из сельской местности в города, из маленьких городов в большие и т.д. с целью обучения в ВУЗах или иных учебных заведениях, поиска работы. Это приводит к тому, что зачастую родители работающих детей живут в других городах, что, по-видимому, затрудняет добровольные внутрисемейные межпоколенческие трансферты, а также приводит к ослаблению семейных связей. Например, рост территориальной мобильности сельской молодежи России на протяжении всего 20 века привел к распаду традиционных многопоколенных крестьянских хозяйств, а также к изменению или утрате межпоколенных связей (Иванова, 2002).

Сильверстайн и Бенгтсон (Silverstein, Bengtson, 1997) сообщают, что в США тенденцией настоящего времени является раздельное проживание родителей и их взрослых детей. В американском обществе горизонтальная мобильность более интенсивна, чем в России (Золотухина, 1999, Синельников, Децнер, 1995), то есть взрослые дети чаще переезжают из дома родителей в собственный дом. В России это затруднено в связи с жилищной проблемой (см., например, (Синельников, Децнер, 1995)). Это обстоятельство способствует увеличению количества расширенных семей, члены которых проживают совместно поневоле. В таких семьях межпоколенческие трансферты могут оказаться более интенсивными, чем в случае раздельного проживания разных поколений.

4. Помимо распада первичных связей, в индустриальном обществе неписанные правила заменяются писаными, а неформальный социальный контроль сменяется формальным социальным контролем. Этот процесс, вероятно, также приводит к уменьшению межпоколенческих трансфертов. В традиционном обществе межпоколенческий альтруизм стимулируется общиной посредством общепринятого неписаного правила, обязывающего индивида заботиться о благосостоянии своих детей и родителей. В индустриальном обществе это неписаное правило, как и надзор общины, исчезает – благосостояние индивидов является предметом социально-экономической политики государства, а рациональному индивиду остается действовать эгоистично в рамках предписанных правил, что способствует снижению уровня межпоколенческого альтруизма.

Распространенность неформальной взаимопомощи в российском обществе можно объяснить также бедностью, недостаточно развитой рыночной экономикой, плохо развитой социальной сферой, неэффективностью социальной политики государства. Все это является признаками отсталости российского общества по сравнению с более модернизированными обществами западных стран.

3. Межпоколенческий альтруизм в моделях перекрывающихся поколений

Данный раздел посвящен описанию с помощью моделей перекрывающихся поколений с двусторонним альтруизмом макроэкономических эффектов введения распределительной или накопительной пенсионной системы. Мы приведем предпосылки моделей и основные результаты анализа. В этом и следующих разделах мы попытаемся обосновать следующие тезисы:

- В рамках предположений модели перекрывающихся поколений введение распределительной пенсионной системы, в целом, делает индивидов беднее.
- Введение накопительной пенсионной системы может сделать индивидов богаче.
- Если распределительная пенсионная система была введена и существовала длительное время, то отказаться от нее может быть затруднительно в связи с инерцией межпоколенческих трансфертов и издержками перехода.

Модель перекрывающихся поколений является одним из удобных инструментов для анализа влияния на поведение экономических агентов государственного долга, пенсионных систем, налогообложения и других аспектов экономической политики. Эта модель была независимо предложена М. Аллэ (Allais, 1947) и П. Самуэльсоном (Samuelson, 1958), и после введения

П. Даймондом (Diamond, 1965) в нее производственного сектора стала одной из самых популярных макроэкономических моделей. Более поздние существенные модификации модели связаны с учетом мотива наследования (Barro, 1974), оказывающегося важным при обсуждении рикардианской эквивалентности в задачах о государственном долге, и разработкой моделей перекрывающихся поколений с неоднородными потребителями (см., например, (Борисов, 2005)), обеспечивающих принципиально новые возможности по исследованию вопросов неравенства и распределения. В настоящее время модели перекрывающихся поколений посвящена обширная литература (см., например, книгу (de la Croix, Michel, 2002)), оставляющая, впрочем, открытыми некоторые вопросы, важные с точки зрения приложений.

Одним из таких вопросов является описание в рамках модели перекрывающихся поколений так называемого «двустороннего альтруизма»: возможной помощи представителям старшего поколения (родителям) со стороны представителей следующего (младшего) поколения (детей) одновременно с возможностью наследования. Несмотря на то, что был предпринят ряд исследований, посвященных этой проблеме (см., например, (Abel, 1987)), предлагаемые в этой ситуации формулировки модели вызывают определенные сомнения (Michel, 2006). Между тем, межпоколенческие трансферты такого типа могут оказываться существенными при рассмотрении проблем государственного долга и пенсионных систем.

В данном разделе мы рассматриваем два подхода к описанию двустороннего альтруизма в модели перекрывающихся поколений. В разделе 3.1 мы развиваем модель, описывающую ситуацию, когда два последовательных поколения – не работающие родители и работающие дети, имеют общий бюджет, что является типичным для расширенной семьи (в этой части работы мы в основном следуем работе (Борисов, Сурков, 2007)). В разделе 3.2 мы обобщаем подход, предложенный Абелем (Abel, 1987), описывающий равновесие в модели перекрывающихся поколений с двусторонним альтруизмом как равновесие по Нэшу, и здесь мы следуем работе (Борисов, Сурков, 2008). Этот подход позволяет проанализировать случай различной склонности индивида помогать своим детям и родителям («несимметричный» альтруизм), в то время как первый подход свободен от, возможно, не слишком реалистичного представления о том, что уровень межпоколенческих трансфертов формируется как равновесие по Нэшу. В рамках обоих подходов мы рассматриваем накопительную и распределительную пенсионные системы.

3.1. Модель перекрывающихся поколений для расширенной семьи

Как уже упоминалось выше, крайняя, хотя и широко распространенная форма межпоколенческого альтруизма проявляется в расширенной семье, которая характеризуется тем, что в ней представители разных поколений имеют общий бюджет. При этом осуществляется свободное перераспределение богатства между членами семьи, то есть благополучие представителей различных поколений учитывается в равной мере. В этой ситуации, эффекты, связанные с накопительной или распределительной пенсионной системой, удобно анализировать с помощью модели перекрывающихся поколений с двусторонним альтруизмом.

В этой модели предполагается, что жизненный цикл индивида состоит из двух периодов. Индивид, родившийся в момент времени t , работает в течение периода t , начинающегося в момент t и заканчивающегося в момент времени $t+1$. В конце этого периода происходят следующие события:

- у индивида появляется $(1+n)$ потомков, которые начинают свой жизненный цикл (заметим, что число n в этой модели может быть не целым и представляет собой темп прироста населения);
- индивид получает доход, складывающийся из зарплаты w_t и приходящейся на данного индивида доли возможного наследства родителей, которые как раз заканчивают свой жизненный цикл – если наследство родителей составляет $x_t \geq 0$, то на данного индивида приходится величина $x_t/(1+n)$;
- этот доход индивид может потратить на потребление ($c_t \geq 0$), сбережения (s_t) или помощь родителям ($z_t \geq 0$), родившимся в момент $t-1$;
- индивид осуществляет обязательный взнос в пенсионный фонд в размере φ .

Бюджетное ограничение этого индивида в момент времени $t+1$ имеет вид

$$c_t + s_t + z_t + \varphi = w_t + \frac{x_t}{1+n}.$$

В период $t+1$ индивид не работает. В конце этого периода сбережения индивида составляют $R_{t+1}s_t$, где $R_{t+1}=1+r_{t+1}$, а r_{t+1} – процентная ставка, действовавшая в период $t+1$. Кроме того, индивид получает пенсию в размере ψ_t , а также может получить помощь со стороны детей в размере $(1+n)z_{t+1}$. Всю эту сумму (сбережения, пенсия и помощь детей) индивид делит между текущим потреблением d_{t+1} и наследством x_{t+1} . Его бюджетное ограничение в момент времени $t+2$ имеет вид

$$d_{t+1} + x_{t+1} = R_{t+1}s_t + \psi_{t+1} + (1+n)z_{t+1}.$$

В случае накопительной пенсионной системы $\psi_{t+1} = R_{t+1}\varphi_t$, в то время как при распределительной схеме $\psi_{t+1} = (1+n)\varphi_t$. Складывая бюджетные ограничения индивидов, живущих одновременно в период t , но принадлежащих к разным поколениям

$$\begin{cases} (1+n)(c_t + s_t + z_t + \varphi_t) = (1+n)w_t + x_t, \\ d_t + x_t = R_t s_{t-1} + \psi_t + (1+n)z_t, \end{cases}$$

получаем бюджетное ограничение расширенной семьи

$$d_t + (1+n)(c_t + s_t) = (1+n)w_t + R_t s_{t-1} + \psi_t - (1+n)\varphi_t.$$

Иными словами, наличие межпоколенческих трансфертов (x_t и z_t) дает возможность расширенной семье распределять совокупный доход семьи, стоящий в правой части этого выражения, между потреблением всех живущих одновременно членов семьи и сбережениями.

Предположим, что индивиды получают одинаковую полезность $u(\cdot)$ от потребления, которая не меняется в течение их жизненного цикла. Допустим также, что семья одинаково ценит потребление всех $2+n$ ныне живущих членов, а полезность будущего потребления семьи учитывает с коэффициентом дисконтирования γ . В таком случае, естественно принять следующий вид целевой функции для семьи, существующей в момент времени t

$$V_t = u(d_t) + (1+n)u(c_t) + \gamma \left[(1+n)u(d_{t+1}) + (1+n)^2 u(c_{t+1}) \right] + \dots$$

В отличие от модели, описываемой ниже (см. раздел 3.2), здесь мы будем предполагать, что решение относительно потребления и сбережений принимается членами расширенной семьи совместно и оказывается согласованным. Модель поведения расширенной семьи имеет вид

$$\begin{cases} \sum_{\theta=t}^{\infty} [\gamma(1+n)]^{\theta-t} [u(d_{\theta}) + (1+n)u(c_{\theta})] \rightarrow \max \\ \begin{cases} d_{\theta} + (1+n)(c_{\theta} + s_{\theta}) \leq (1+n)w_{\theta} + R_{\theta}s_{\theta-1}, & \theta = t, t+1, \dots \\ s_{t-1} \leq \bar{s}_{t-1} \end{cases} \end{cases}$$

Сбережения \bar{s}_{t-1} , сделанные предыдущим поколением, задают в задаче начальное состояние.

Борисов, Сурков (2007) изучили стационарное равновесие в данной модели при естественных предположениях относительно функции полезности и традиционном описании производственного сектора с помощью производственной функции в интенсивной форме. Оказывается, что наличие межпоколенческих трансфертов среди прочего приводит к следующим важным обстоятельствам, которые отмечал еще Беккер (Becker, 1974):

- потребление членов расширенной семьи оказывается одинаковым на протяжении всей жизни,
- введение (или отмена) распределительной пенсионной системы (или накопительной пенсионной системы при неограниченном доступе индивида к кредиту) на состояние равновесия влияния не оказывает.

Действительно, в стационарном равновесии бюджетное ограничение расширенной семьи приобретает вид

$$d^* + (1+n)(c^* + s^*) = (1+n)w^* + R^*s^* + \psi - (1+n)\varphi,$$

где знаком * отмечены равновесные значения соответствующих величин. При этом для распределительной пенсионной системы $\psi = (1+n)\varphi$, то есть пенсионная схема в бюджетном ограничении отсутствует. Пенсионная система не влияет на решения индивидов относительно потребления и сбережений, но учитывается ими в межпоколенческих трансфертах. Чистые межпоколенческие трансферты от родителей к детям определяются выражением

$$\frac{x^*}{(1+n)} - z^* = \frac{(1+R^*)s^* - w^*}{2+n} + \varphi.$$

Это означает, что реформа, связанная с введением или отменой распределительной пенсионной системы, представляющей собой обязательный межпоколенческий трансферт, приведет к такому изменению добровольных межпоколенческих трансфертов, которое скомпенсирует влияние реформы на потребление и сбережения индивидов.

Для накопительной пенсионной системы бюджетное ограничение имеет вид

$$d^* + (1+n)[c^* + (s^* + \varphi)] = (1+n)w^* + R^*(s^* + \varphi).$$

В случае совершенного рынка капитала, предполагающего свободное заимствование средств индивидом под рыночную ставку процента $r^* = R^* - 1$, задача для расширенной семьи при наличии накопительной пенсионной системы оказывается полностью эквивалентной такой же задаче в случае без пенсионной системы. Это позволяет сделать вывод, что введение накопительной пенсионной системы лишь уменьшает добровольные сбережения s^* на величину обязательного взноса в пенсионный фонд φ , и иного влияния на состояние равновесия в данной модели не оказывает.

Ситуация меняется в случае несовершенного рынка капитала, когда индивид ограничен в своих возможностях заимствования. При этом введение накопительной пенсионной системы может увеличить суммарные (обязательные и добровольные) сбережения индивидов, что благоприятно скажется на

потреблении индивидов, если имело место недонакопление в смысле «золотого» правила накопления Фелпса (Phelps, 1961). В этой ситуации введение накопительной пенсионной системы может поднять благосостояние индивида. Мы еще вернемся к этому вопросу в разделе 4.

К интересным результатам приводит обобщение данной модели на случай неоднородных потребителей. Предположим, что существует две группы населения, состоящие из «терпеливых» и «нетерпеливых» семей. «Терпеливыми» будем считать индивидов, характеризующихся коэффициентом дисконтирования γ_h , а «нетерпеливыми» – индивидов с меньшим коэффициентом дисконтирования $\gamma_l < \gamma_h$. Естественно, предполагается, что в пределах семьи все индивиды имеют один и тот же коэффициент дисконтирования, т.е. он в равной степени характеризует и индивида, и семью.

При построении модели перекрывающихся поколений с двусторонним альтруизмом и неоднородными потребителями мы будем предполагать, что на сбережения как «терпеливых» так и «нетерпеливых» индивидов наложено ограничение снизу

$$s_{h\theta} \geq \underline{s}, \quad s_{l\theta} \geq \underline{s}, \quad \theta = t, t+1, \dots$$

где \underline{s} – некоторая экзогенно заданная величина, которую естественно считать равной нулю или отрицательной: $\underline{s} \leq 0$. Величина $-\underline{s}$ при этом определяет предельный долг в расчете на каждого члена семьи, и в некоторых ситуациях, вероятно, описывает несовершенство рынка капитала – в частности, $\underline{s} = 0$ означает, что кредит индивиду недоступен.

Условия стационарного равновесия в такой модели позволяют сделать следующие выводы:

- потребление как «терпеливых» так и «нетерпеливых» индивидов не меняется на протяжении всей их жизни;
- «нетерпеливые» индивиды не только не делают добровольных сбережений, но и максимально используют предоставляемые им возможности для заимствования;
- для обеспечения положительного уровня капиталовооруженности сбережения остается делать «терпеливым» индивидам;
- при отсутствии распределительной пенсионной системы чистые трансферты от родителей к детям в семье из «нетерпеливых» индивидов оказываются отрицательными, то есть имеет место чистая помощь родителям со стороны детей, являющаяся их единственным источником средств к существованию в старости.

3.2. Модель перекрывающихся поколений с «несимметричным альтруизмом»

Как и в предыдущем разделе, мы будем предполагать, что индивид приобретает полезность не только от своего потребления, но и от потребления своих родителей и потомков, т.е. имеет место двусторонний межпоколенческий альтруизм. Полагая, что межпоколенческий альтруизм может быть «несимметричным», будем описывать его двумя параметрами: межпоколенческими коэффициентами дисконтирования потребителя по отношению к своим родителям $\alpha \geq 0$ и потомкам $\gamma \geq 0$. В рамках данных предположений, считая, что вышеупомянутые полезности входят в целевую функцию индивида аддитивно, запишем последнюю в виде

$$V_t = \alpha \frac{u(d_t)}{1+n} + u(c_t) + \beta u(d_{t+1}) + \gamma(1+n)[u(c_{t+1}) + \beta u(d_{t+2})] + \dots$$

Параметры α, γ выбраны так, что дисконтирование полезностей родителей и потомков индивида производится с учетом «приходящейся» на индивида доли полезности потребления родителей и числа потомков. Итак, задача, которую решает потребитель, родившийся в момент t , устроена следующим образом:

$$\alpha \frac{u(d_t)}{1+n} + \sum_{\theta=t}^{\infty} [\gamma(1+n)]^{\theta-t} [u(c_\theta) + \beta u(d_{\theta+1})] \rightarrow \max$$

$$\begin{cases} c_\theta + s_\theta + z_\theta = w_\theta + \frac{x_\theta}{1+n}, \\ d_{\theta+1} + x_{\theta+1} = R_{\theta+1}s_\theta + (1+n)z_{\theta+1}, \\ x_\theta, z_\theta \geq 0, \quad \theta = t, t+1, \dots, \\ x_t \leq \bar{x}_t. \end{cases}$$

Наследство \bar{x}_t , которое получил индивид, задает в задаче начальное состояние.

Следуя (Abel, 1987), будем считать, что решения о потреблении, сбережениях, помощи родителям и оставляемом наследстве представляют собой равновесие по Нэшу, то есть индивид, принимая свое решение, воспринимает решения членов остальных членов семьи как данность. В частности, определяя помощь родителям z_t , индивид полагает, что его решение способно повлиять на потребление родителей следующим образом

$$d_t = \bar{d}_t + z_t$$

где \bar{d}_t – уровень потребления родителей, определяющийся их собственными решениями и решениями других детей о помощи родителям, которые индивид принимает как данность. Аналогичным образом, решение об оставляемом наследстве x_{t+1} принимается исходя из предположения, что в представлении индивида потребление потомка задается соотношением

$$c_{t+1} = \bar{c}_{t+1} + \frac{x_{t+1}}{1+n}$$

Возможно, описанный механизм принятия решений не вполне соответствует взаимоотношениям между одновременно живущими членами семьи – родителями и детьми. Другая крайность – совместно принимаемые решения о сбережениях и межпоколенческих трансфертов, была представлена в предыдущем разделе.

В работе (Борисов, Сурков, 2008) изучены стационарные равновесия в данной модели при естественных предположениях относительно функции полезности и традиционном описании производственного сектора с помощью производственной функции в интенсивной форме. Как и в модели для расширенной семьи, развитой в разделе 3.1, введение в рассматриваемую модель накопительной пенсионной системы в случае совершенного рынка капитала, предполагающего свободное заимствование средств индивидом под рыночную ставку процента, состояние равновесия не меняет, а в случае несовершенного рынка капитала (ограниченных возможностей заимствования для индивида) – увеличивает суммарные сбережения, и, возможно, благосостояние индивида.

Введение в модель распределительной пенсионной системы, представляющей собой обязательный трансферт от детей к родителям, приводит следующим последствиям:

- если индивид оставлял наследство, то он увеличивает его так, чтобы скомпенсировать введение распределительной пенсионной системы, и другого влияния на состояние равновесия пенсионная система не оказывает;
- если индивид в достаточной мере помогал родителям, то он уменьшает объем помощи так, чтобы скомпенсировать введение распределительной пенсионной системы, и другого влияния на состояние равновесия пенсионная система не оказывает;
- если, уменьшая объем помощи родителям до нуля, индивид неспособен полностью скомпенсировать введение распределительной пенсионной системы, то состояние равновесия меняется: индивид перестает помогать родителям (и, даже, возможно, будет оставлять наследство), суммарные (добровольные и обязательные) чистые трансферты от детей к родителям при введении распределительной пенсионной системы вырастут, а потребление индивидов упадет.

К интересным результатам приводит обобщение данной модели на случай неоднородных потребителей. Введение распределительной пенсионной системы в этом случае может приводить к перераспределительным эффектам между

разными группами индивидов внутри одного поколения. Введение распределительной пенсионной системы в этом случае приводит к следующим последствиям:

- Если индивиды, менее ценящие будущее потребление своих детей и в силу этого не оставляющие наследства, не помогают родителям, то они неспособны скомпенсировать изменением добровольных трансфертов введение распределительной пенсионной системы. При этом эти индивиды при введении распределительной пенсионной системы становятся беднее.
- Индивиды, которые больше ценят будущее потребление своих детей и оставляют наследство, в ответ на введение распределительной пенсионной системы увеличивают оставляемое наследство и, таким образом, компенсируют обязательный межпоколенческий трансферт добровольным трансфертом. Они при этом становятся богаче, то есть распределительная пенсионная система приводит к перераспределению богатства от индивидов, не оставляющих наследство («бедных»), к индивидам, оставляющим наследство («богатым»).
- С другой стороны, если индивиды, более ценящие потребление своих родителей, в достаточной мере помогают им и способны уменьшить объем помощи так, чтобы скомпенсировать введение распределительной пенсионной системы, то при введении распределительной пенсионной системы произойдет перераспределение богатства от потребителей, не помогающих родителям, к потребителям, помогающим родителям.

4. Межпоколенческий альтруизм и пенсионная система

В данном разделе статьи мы обобщаем выводы, вытекающие из анализа влияния пенсионных систем на равновесие в моделях перекрывающихся поколений с двусторонним альтруизмом. Для конкретизации, мы будем рассматривать пенсионную реформу, отменяющую распределительную пенсионную систему, и вводящую накопительную пенсионную систему. Как уже упоминалось выше, реформа такого рода была проведена в России в 2002 г. Кроме того, перед необходимостью подобной реформы в силу демографических причин стоят многие развитые страны (см. (Уайтхауз, 2008)), и мы в своем изложении попытаемся остановиться на специфике пенсионной реформы, связанной с различным уровнем межпоколенческого альтруизма в разных странах.

Распределительная пенсионная система представляет собой обязательный межпоколенческий трансферт по направлению от детей к родителям. Модель перекрывающихся поколений показывает, что введение такого трансферта делает

индивидов беднее, в случае, когда они неспособны скомпенсировать его соответствующим изменением добровольных межпоколенческих трансфертов. В этом случае, характерном для более модернизированных обществ со сравнительно низким уровнем межпоколенческого альтруизма, отмена распределительной пенсионной системы повысит благосостояние индивидов.

В обществе с высоким уровнем межпоколенческого альтруизма введение или отмена распределительной пенсионной системы в значительной мере компенсируется соответствующим изменением добровольных межпоколенческих трансфертов, поэтому эта часть пенсионной реформы незначительно скажется на изменении благосостояния индивидов.

Что касается накопительной пенсионной системы, то модель перекрывающихся поколений предсказывает, что в случае совершенного рынка капитала, на котором индивид может неограниченно занимать, введение или отмена обязательной накопительной пенсионной системы должна компенсироваться соответствующим изменением добровольных сбережений. Можно предположить, что для более развитых экономик западных стран характерны более широкие возможности заимствования для индивидов, и для них благоприятный эффект введения накопительной пенсионной системы, увеличивающий сбережения, будет слабее, чем для менее развитых рынков капитала в менее модернизированных странах. Однако здесь нужно отметить два обстоятельства:

- В действительности даже для развитых рынков капитала полного вытеснения добровольных сбережений обязательными сбережениями, предусматриваемыми накопительной пенсионной системой, не происходит. В работе (Kohl, 1998) сообщается, что по результатам исследования, проведенного в Японии, Италии и США, государственные пенсионные программы всего лишь на 10-30% своего объема уменьшают частные сбережения. Для частных пенсионных программ в США и Канаде этот показатель достигает 50%, то есть даже в этом случае полного замещения не происходит.
- В менее модернизированных странах неразвитость рынков капитала, ограничивающая возможности заимствования, может сопровождаться экономической нестабильностью, как в случае России, что делает функционирование накопительных пенсионных схем практически невозможным.

Мы приходим к заключению, неутешительному для российской пенсионной реформы 2002 г.: отмена распределительной пенсионной системы и введение

обязательной накопительной пенсионной системы оказывается эффективной в модернизированных обществах со сравнительно низким уровнем межпоколенческого альтруизма и стабильной экономикой. В менее модернизированных обществах подобные изменения могут не оказать позитивного влияния на благосостояние индивидов. В частности, модель перекрывающихся поколений с двусторонним альтруизмом предсказывает, что отмена распределительной пенсионной системы в обществе со значительным уровнем межпоколенческого альтруизма должна привести к увеличению добровольных трансфертов от детей к родителям, компенсирующих эффект пенсионной реформы. То есть отмена распределительной пенсионной системы может не сопровождаться соответствующим ростом благосостояния. Если при этом, как в России, экономическая ситуация оказывается нестабильной, то и введенная реформой накопительная пенсионная система окажется неработоспособной, и реформа не приведет к росту национальных сбережений.

Таким образом, напрашивается вывод, что на сегодняшней стадии развития общества и экономики России, пенсионная реформа в той форме, в которой она была реализована в 2002 г., она была преждевременной, что и обуславливает сложности с ее реализацией.

5. Издержки перехода от распределительной пенсионной системы к накопительной

В соответствии с нашими построениями, переход от распределительной пенсионной системы к накопительной, по крайней мере, в западных странах с модернизированным обществом должен привести к росту благосостояния. В данном разделе мы обсудим издержки пенсионной реформы, которые могут сделать переход от распределительной пенсионной системы к накопительной, не только затруднительным, но и невыгодным.

В.М. Полтерович (2007) выделяет следующие источники возникновения издержек при проведении любой экономической реформы: прямые издержки формирования институтов (отвлечение ресурсов из традиционных сфер инвестирования на создание новых институтов), издержки адаптации экономической системы к новым институтам (издержки дезорганизации и интенсификации перераспределительных процессов).

Мы в данном разделе обратимся к прямым издержкам формирования накопительной пенсионной системы, которые, прежде всего, обусловлены необходимостью накопления капитала, прежде чем накопительная система

сможет выполнять обязательства распределительной пенсионной системы (Modigliani, Muralidhar, 2004).

Вероятно, возможно несколько механизмов формирования соответствующего фонда. Может так оказаться, что индивидам, работающим в период перехода, придется вносить двойной взнос в пенсионный фонд – для оплаты своей накопительной части пенсии и для текущего финансирования распределительной пенсионной системы. При этом в предположении экзогенного формирования предложения труда оказывается, что невозможно распределить издержки перехода между поколением работающих в период перехода и будущими поколениями с использованием механизма государственного долга так, чтобы реформа представляла собой Парето-улучшение (см. (Blake, 2006) и ссылки там). То есть, в этом случае всегда найдется как минимум одно поколение, благосостояние которого в результате реформы ухудшится.

Другие работы показывают (Blake, 2006), что с учетом эндогенного формирования предложения на рынке труда возможен постепенный переход от распределительной пенсионной системы к накопительной, имеющий характер Парето-улучшения. Эта возможность связывается с тем, что пропорциональные доходу взносы при распределительной пенсионной системе представляют собой искажающее воздействие, и отказ от них позволит избежать безвозвратных потерь. Переход к накопительной пенсионной системе должен финансироваться при этом за счет неискажающего аккордного налога. В соответствии с этими идеями при обсуждении сценария перехода в работе (Valdés-Prieto, 1997), замечается, что для финансирования пенсионной реформы должен быть выбран наименее искажающий набор налогов.

Модильяни и Муралидхар (Modigliani, Muralidhar, 2004) рассматривают конкретный сценарий перехода от распределительной пенсионной системы к накопительной в США. Они предполагают, что накопительный пенсионный фонд должен формироваться за счет дефицита распределительной пенсионной системы, который может покрываться за счет роста пенсионных отчислений нынешних работников, снижения пенсий нынешних пенсионеров, или за счет бюджета, т.е. за счет роста налогов или снижения государственных расходов. Авторы не интересуются возможностью Парето-улучшения, отмечая лишь, что рост государственного долга является неэффективным методом финансирования, так как будет отчасти компенсировать эффект роста национальных сбережений, обусловленный введением накопительной пенсионной системы. Схема, предлагаемая в (Modigliani, Muralidhar, 2004), подразумевает, что накопительная

пенсионная система сможет полностью выполнять обязательства распределительной пенсионной системы примерно через 60 лет, т.е. за среднее время трудовой и пенсионной жизни одного работника.

В ходе пенсионной реформы 2002 г. в России был выбран другой путь. С одной стороны, он замедляет формирования накопительного фонда: лишь часть взносов лиц, подпадающих под действие реформы, направляется в накопительный фонд, в то время как другая часть используется для финансирования текущих обязательств пенсионного фонда в рамках еще действующей распределительной пенсионной схемы. При этом никакого дополнительного финансирования за счет, скажем, неискажающего аккордного налога не предусматривается.

С другой стороны, издержки формирования накопительной пенсионной системы, в основном, возложены на работающих граждан, подпадающих под действие пенсионной реформы. В течение значительной части их трудовой жизни лишь небольшая часть их пенсионных взносов будет поступать в накопительный фонд. Это поколение в результате реформы, несомненно, пострадает, и выбранная траектория перехода далека от Парето-улучшения.

6. Заключение

В настоящей работе в качестве возможных причин широко обсуждаемой неудачи пенсионной реформы 2002 г. в России мы рассматриваем трудности, которые могут возникать при реализации подобной реформы в стране с высоким уровнем межпоколенческого альтруизма.

Мы обсуждаем различия в уровне межпоколенческого альтруизма в России и в более модернизированных западных странах, а затем описываем различные подходы к учету межпоколенческого альтруизма в модели перекрывающихся поколений, широко применяющейся для анализа макроэкономических эффектов пенсионных систем. Мы приводим результаты анализа модели перекрывающихся поколений с разными формами двустороннего альтруизма, и приходим к следующим основным выводам:

- отмена распределительной пенсионной системы и введение обязательной накопительной пенсионной системы оказывается эффективной в модернизированных обществах со сравнительно низким уровнем межпоколенческого альтруизма и стабильной экономикой;
- даже в этом случае чрезвычайно существенным оказывается вопрос об издержках перехода, их величине и распределении: вероятно, лишь постепенный и особым образом организованный переход от

распределительной системы к накопительной может иметь характер Парето-улучшения;

- отмена распределительной пенсионной системы в обществе со значительным уровнем межпоколенческого альтруизма может привести к увеличению добровольных трансфертов от детей к родителям, компенсирующих эффект пенсионной реформы;
- если при этом, как в России, экономическая ситуация оказывается нестабильной, накопительная пенсионная система, предусматриваемая реформой, окажется неработоспособной.

Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ и РФФИ в рамках научно-исследовательских проектов РГНФ «Долгосрочные последствия пенсионной реформы: неравенство и экономический рост» (проект 08–02–00411а) и РФФИ «Разработка и анализ моделей экономического роста и распределения с неоднородными потребителями» (проект 08–06–00423а).

Источники

Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003. № 2. С. 81-122.

Борисов К.Ю. Агрегированные модели экономического роста и распределения. СПб., 2005.

Борисов К.Ю., Сурков А.В. Модель перекрывающихся поколений с двусторонним альтруизмом // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. VI. СПб., 2007.

Борисов К.Ю., Сурков А.В. Двусторонний альтруизм и пенсионная система в моделях перекрывающихся поколений. Препринт СПбЭМИ РАН. СПб., 2008.

Волков А.Г. Семья – объект демографии. М., 1986.

Гвоздева Г.П. Сельские пенсионеры: изменение повседневной деятельности в условиях экономического кризиса // Демографические и соц.-экономические аспекты старения населения: вторые Валентеевские чтения. М., 1999.

Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.

Денисенко М.Б. Благосостояние и внутрисемейные трансферты пожилых людей в городах России (по материалам обследований в Нижнем Новгороде, Орле и Твери) // Демографические и социально-экономические аспекты старения населения: вторые Валентеевские чтения. М., 1999.

Елисеева И.И., ред. Социальная статистика: учебник. М., 2003.

Елисеева И.И., Прокофьева Л.М., Фести П. Влияние развода на межпоколенные контакты // Демографические и социально-экономические аспекты старения населения: вторые Валентеевские чтения. М., 1999.

Загребина А.В. Межпоколенческий альтруизм и общие закономерности процесса модернизации общества // Ученые записки СПбГИПСР. 2008. Т. 10. Вып. 2. С. 148-153.

Загребина А.В., Сурков А.В. Эволюция межпоколенческих трансфертов при модернизации общества // III Всероссийский социологический конгресс. М., 2008. 1207921902.pdf.

Золотухина М.В. Мир американской семьи. М., 1999.

Иванова Е.И. Межпоколенные трансферты и их роль в решении социальных проблем пожилых людей в сельской местности // The Fifth International Conference on «Public Sector Transition». СПб., 2002.

Иванова Е.И. Пожилой человек в сельской местности: родственные связи и межпоколенные трансферты // Социальная политика: реалии XXI века. М., 2003. С. 135-164.

Карцева Л.В. Семья в трансформирующемся обществе: учебное пособие. Казань, 2003.

Котликофф Л., Бернс С. Пенсионная система перед бурей: то, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. М., 2005.

Кучмаев М.Г. Традиционное и инновативное в культуре семейных отношений // Гос. акад. славян. культуры. М., 1999.

Лылова О.В. Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 83-86.

Овчарова Л., Прокофьева Л. Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период // Мониторинг общественного мнения. Июль-август, 2000. № 4(48). С. 23-31.

Пенсионная реформа в России: причины, содержание, перспективы / С.Н. Васин, Е.Ш. Гонтмахер, М.Э. Дмитриев, С.В. Захаров, Т.М. Малева, Г.В. Рахманова, О.В. Синявская, Д.Я. Травин; Под ред. М.Э. Дмитриева, Д.Я. Травина. СПб., 1998.

Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М., 2007.

Россияне о пенсионных накоплениях: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе» // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 942. 24 апреля 2008 г.

Сафарова Г.Л., Клецин А.А., Чистякова Н.Е. Семья в Санкт-Петербурге. Демографические, социологические, социально-психологические аспекты. СПб., 2002.

Свадьбина Т.В. Семья и российское общество в поисках обновления. Нижний Новгород, 2000.

Серова Е.В. Влияние политики сельского развития на уровень жизни населения: результаты одного обследования // СПЭРО. 2006. № 4. С. 119-136.

Синельников А.Б., Децнер Д.Ф. Отношения между поколениями в российских и американских семьях // Семья на пороге третьего тысячелетия / Антонов А.И., Мацковский М.С., Мэддок Дж. У., Хоган Дж., ред. М., 1995. С. 108-128.

Уайтхауз Э. Пенсионная панорама. Пенсионные системы 53 стран. М., 2008.

Abel A.B. Operative gift and bequest motives // The American Economic Review. 1987. V. 77. № 5. P. 1037-1047.

Allais M. Economie et intérêt. Paris: Imprimerie Nationale, 1947.

Altonji J.G., Hayashi F., Kotlikoff L.J. Is the extended family altruistically linked? Direct tests using micro data // N.B.E.R. 1989. Working paper No. 3046.

Arrondel L., Masson A. Altruism, exchange or indirect reciprocity: what do the data on family transfers show? // Handbook of the Economics of Giving, Altruism and Reciprocity / Kolm S.-C., Ythier J.M., eds. V. 2. Ch. 14. Elsevier B.V. 2006. P. 971-1053.

Barro R.J. Are government bonds net wealth? // The Journal of Political Economy. 1974. V. 82. № 6. P. 1095-1117.

Becker G.S. A theory of social interactions // Journal of Political Economy. 1974. V. 82. № 6 P. 1063-1094.

Blake D. Pension economics. John Wiley & Sons, Ltd. 2006.

Boudon R. La logique du social. Hachette, 1979.

de la Croix D., Michel P. A theory of economic growth: dynamics and policy in overlapping generations. Cambridge University Press, 2002.

Diamond P. National debt in a neoclassical growth model // The American Economic Review. 1965. V. 55. № 5. P. 1126-1150.

Investfunds.ru. Итоги управления накоплениями.
<http://npf.investfunds.ru/ratings/1/>.

Hogan D.P., Eggebeen D.J., Clogg C.C. The structure of intergenerational exchanges in American families // American Journal of Sociology. 1993. V. 98. № 6. P. 1428-1458.

Kohl R., O'Brien P. The macroeconomics of ageing, pensions and savings: a survey OECD Economic Department working paper. ECO/WKP(98)13. OECD, 1998.

Kohli M., Private and public transfers between generations: Linking the family and the state // European Societies. 1999. V. 1. P. 102-122.

Kohli M., Künemund H. Intergenerational transfers in the family: what motivates giving? // Global aging and challenges to families / Bengtson V.L., Lowenstein A., eds. New York, 2003. P. 123-142.

Kotlikoff L.J. Intergenerational transfers and savings // *The Journal of Economic Perspectives*. 1988. V. 2 № 2. P. 41-58.

Kotlikoff L.J., Morris J.N. How much care do the aged receive from their children? A bimodal picture of contact and assistance // *The Economics of Aging* / Wise D.A., ed. University of Chicago Press, 1989. P. 151-176.

Laferrère A. Microeconomic models of family transfers // *Handbook of the Economics of Giving, Altruism and Reciprocity* / Kolm S.-C., Ythier J.M., eds. V. 2. Ch. 13. Elsevier B.V. 2006. P. 889-969.

McGarry K. Inter vivos transfers and intended bequests // *Journal of Public Economics*. 1999. V. 73. № 3. P 321-351.

Michel P., Thibault E., Vidal J.-P. Intergenerational altruism and neoclassical growth models // *Handbook of the economics of giving, altruism and reciprocity* / Kolm S.-C., Ythier J.M., eds. Elsevier B.V., 2006. P. 1055-1106

Modigliani F., Muralidhar A. Rethinking pension reform. Cambridge University Press, 2004.

Paugam S., Zoyem J.P. Le soutien financier de la famille: une forme essentielle de la solidarité // *Economie et statistique*. 1997. № 308. P. 187-210.

Phelps E. The golden rule of accumulation: a fable for growthmen // *The American Economic Review*. 1961. V. 51. № 4. P. 638-643.

Samuelson P.A. An exact consumption-loan model of interest with or without the social contrivance of money // *The Journal of Political Economy*. 1958. V. 66. № 6. P. 467-482.

Shokkaert E. The empirical analysis of transfer motives // *Handbook of the Economics of Giving, Altruism and Reciprocity* / Kolm S.-C., Ythier J.M., eds. V. 2. Ch. 2. Elsevier B.V. 2006. P. 127-181.

Silverstein M., Bengtson V.L. Intergenerational solidarity and the structure of adult child-parent relationships in American families // *American Journal of Sociology*. 1997. V. 103. № 2. P. 429-460.

Valdés-Prieto S. Financing a pension reform toward private funded pensions // *The Economics of Pensions; Principles, Policies and International Experience* / Valdés-Prieto S., ed. Cambridge University Press, 1997.